

Наталья Ивушка

Холод и крохи

Наталья Ивушка

Холод и крохи

<https://litres.ru/74632604>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Холод и крохи — историческая повесть о взаимовыручке и человечности в непростое время. Через взгляд девочки Вари читатель видит, как в условиях жёстких норм и тотального контроля люди сохраняют главное: умение видеть чужую боль и делиться последним. История показывает, что настоящая поддержка бывает тихой: она не вписывается в ведомости, но именно она помогает держаться, когда сил почти не осталось.

Книга поднимает важные темы: ценность малых добрых дел, ответственность за свои слова, умение защищать добро без предательства, солидарность и эмпатия.

Подходит для внеклассного чтения, обсуждения на уроках литературы и классных часах о нравственных ценностях и истории страны. Это не про героизм напоказ, а про повседневную стойкость и человечность, которую можно беречь и передавать дальше».

Содержание

глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Холод и крохи

глава 1

Ранним утром над селом Берёзовка стелился не туман, а горький дым: жгли старые амбары — говорили, что «для расчистки под колхозный двор», но люди шептались, что это чтобы ничего не осталось от прежней жизни.

Фёдор стоял у плетня и смотрел, как языки пламени лижут потемневшие доски. Рядом, прижавшись к его колену, тихо стояла дочь — семилетняя Варя. Она не плакала, только крепко держала отца за штанину, будто боялась, что если отпустит — он тоже исчезнет, как исчез вчера вечером дед, когда приехали трое в кожанках и с винтовками.

— Пап, а зачем жгут? — прошептала Варя, глядя на огонь снизу вверх. — Чтобы новое строить, — глухо ответил Фёдор, хотя сам не верил этим словам. Он знал: новое строят не огнём, а трудом. А тут не строили — ломали.

В Берёзовке всё шло по одному и тому же страшному порядку. Сначала приезжали уполномоченные, потом собирали сход, потом читали бумагу: «Объявляем село на твёрдом плане хлебозаготовок». Потом начинался обход по дворам. Потом — опись. Потом — выселение.

Вчера вечером у них забрали лошадь. Сегодня утром — корову. Теперь жгли амбар, где хранилось зерно, которое

Фёдор с мужиками прятали от изъятия: не для наживы, а чтобы зимой было чем кормить детей.

К Фёдору подошёл Степан, его сосед и друг с детства. Лицо у Степана было серым, будто он не спал трое суток.

— Говорят, сегодня списки будут зачитывать, — тихо сказал он. — Кто «кулаки», кто «подкулачники». Кто поедет, кто останется.

Фёдор сжал зубы.

— Да какой я кулак? — прошептал он. — У меня одна лошадь была, и ту забрали. Дом — сам ставил, брёвен не крал.

Степан только горько усмехнулся:

— Тут не про то, сколько у тебя. Тут про то, кто громче спорил. Кто вчера кричал на сходе: «Так нельзя, люди помрут». Вот таких и берут первыми.

Варя подняла глаза:

— А деда куда увезли?

Никто не ответил. В Берёзовке не говорили «арестовали» — говорили «увезли». И все знали: если увезли, то не жди скорого возврата.

На площади у сельсовета уже собиралась толпа. Люди стояли кучками, но не разговаривали громко — слова теперь казались опасными. Кто-то крестился, кто-то молча кутал детей в старые тулупы, будто надеялся, что тёплая шерсть защитит от беды.

Из сельсовета вышел председатель, за ним — уполномо-

ченный из района, высокий, в новой шинели, с папкой в руках. Он встал на крыльцо, постучал палкой по перилам, чтобы все замолчали. Тишина получилась не спокойная, а злая, натянутая, как верёвка перед обрывом.

— Товарищи! — начал уполномоченный, и голос его звучал так, будто он читал не людям, а бумаге. — В соответствии с постановлением райкома и директивами партии, в селе Берёзовка объявляется полная коллективизация. Все средства производства — лошади, коровы, плуги, инвентарь — подлежат обобществлению. Все хозяйства, отказывающиеся вступать в колхоз, считаются саботажниками.

Толпа шевельнулась, как одно большое раненое животное.

— А жить-то на что?! — выкрикнул кто-то из задних рядов.

Уполномоченный даже не посмотрел в ту сторону.

— Вопросы потом. Сейчас — списки.

Он открыл папку. И начал читать.

Фамилии падали, как камни. Каждая — удар.

«Семёнов — кулацкое хозяйство, подлежит выселению».

«Петров — подкулачник, подлежит изъятию имущества».

«Иванов — активный саботажник, передать органам».

Когда дошла очередь до фамилии «Громов» (это был дед Вари), Фёдор почувствовал, как пальцы девочки впились в его штанину ещё крепче. Он наклонился, положил ладонь ей на голову, прикрыл её ушко, чтобы она не слышала, как

дальше читают про деда.

А потом прозвучало:

— «Фёдор Громов — сопротивление при изъятии имущества, укрывательство хлеба. Подлежит выселению вместе с семьёй».

Фёдор не пошевелился. Только посмотрел на Степана. Тот уже всё понял.

— Бери Варю, — одними губами прошептал Степан. — Заходи через огород, к задней калитке. Я их задержу. Скажу, что ты пошёл к колодцу.

— Нет, — так же тихо ответил Фёдор. — Я не побегу. Если скажут ехать — поедем. Но не по углам.

— Ты не понимаешь! — в глазах Степана мелькнул настоящий страх. — Если сейчас не спрячешь её, её увезут в детприёмник. Оттуда не возвращаются.

Фёдор замер. И вдруг понял: Степан прав. Не про себя надо думать.

Он наклонился к Варе:

— Варя, послушай. Сейчас ты пойдёшь с дядей Степаном. Тихо, не оглядываясь. Он тебя спрячет. А я приду. Обязательно приду.

Девочка замотала головой:

— Не хочу! Я с тоб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.